

Бернард Вербер: ТОЛЬКО ШКОЛА МОЖЕТ СПАСТИ МИР

• ТЕКСТ | Наталья КУЗНЕЦОВА

При упоминании «Википедии» во время нашего разговора Бернард Вербер пренебрежительно ухмыльнулся и стал похож на небезызвестный смайлик. «Не надо верить всему, что там обо мне написано», — сказал самый читаемый во Франции писатель, приехавший в Петербург на Международный книжный салон.

Автора мирового бестселлера «Империя ангелов» переводят порой, увы, так, что многое теряется — слишком уж элегантен и тонок его слог для безусловной передачи смысла на другом языке. Он ученый, фантаст, мистик. В своей квартирестудии Вербер оборудовал «сцену», где актерствуют древесные муравьи.

Он присутствует при их мини-войнах, государственных переворотах, любовных коллизиях. И отсюда — его неповторимая оригинальность.

— Господин Вербер, вы исследуете тайны человеческого сознания. По вашему мнению, миллионы людей, которые каждый год рождаются на Земле, превращают тонны мяса, фруктов и овощей в тонны экскрементов. Смысл нашей жизни — родиться, есть, двигаться, размножаться, сдохнуть. Вы фаталист?

— Попробуйте подыскать иное слово, чем фаталист...

— Хорошо, есть расхожая истина: оптимист — у кого стакан наполовину полон, пессимист — у кого стакан наполовину пуст... Вы оптимист?

— Я пессимист тактически и оптимист стратегически. Считаю так: чему быть, того не миновать. Но я верю, что когда-нибудь человечество отыщет разумный путь к светлому будущему. Вот лично мне иногда надо думать, что случится что-то плохое. А если нет, я буду просто очень рад. В этом преимущество пессимистов. Жизнь им постоянно преподносит приятные сюрпризы, тогда как оптимиста ожидает масса разочарований.

— Если бы человечество пользовалось одним языком, это как-то повлияло бы на развитие цивилизации и скорость прогресса?

— Если бы все говорили на одном языке, вряд ли бы это имело какое-то отношение к прогрессу. Если бы все ели одно и то же блюдо каждый день, было бы просто тоскливо. И если бы все люди были похожи друг на друга и все города были на одно лицо, мы бы зашли в тупик. Русский язык, например, очень красив, и его единственный недостаток в том, что русские слова очень трудно произносить. Английский язык легкий в произношении, но он не очень красивый. Тем не менее, оба имеют право на свое существование.

— По вашему мнению, количество в том или ином языке синонимов слов «любить», «счастье», «война», «враг» свидетельствует о ценностях, преобладающих у народа — носителя языка. Вы бы убрали из этого списка какие-нибудь слова?

— Не надо ничего убирать. Представьте себе — вы вычеркиваете

слово «война», а потом кто-то изуродует вам лицо. Вы что, не будете после этого пользоваться этим словом? Если оно существует, значит, является отражением человеческой агрессивности. Перевоспитайте людей, и слово «война» само по себе отпадет. Слова — знаки, отражающие состояние сознания человека. Убрав некоторые, мы не решим проблему. Люди придумают, чем их заменить.

— Вы действительно считаете, что диктатура и грубые люди выиграют в этой жизни?

— Люди в большей своей части — достаточно низкие, их речь примитивна и незамысловата. Те же, кто ищет пути к миру, оперируют сложными смыслами, потому и язык их выраженно интеллектуален. Но подавляющая масса гораздо более склонна воспринимать простые сообщения — у вас в русском языке есть, наверное, свой синоним этого слова.

• Мне иногда надо думать, что случится что-то плохое. А если нет, я буду просто очень рад. В этом преимущество пессимистов. Жизнь им постоянно преподносит приятные сюрпризы, тогда как оптимиста ожидает масса разочарований

— В данном случае послание к народу...

— И если мы предложим народу: давайте убьем всех, кто не похож на нас, это будет очень понятно. А если мы скажем: все люди — братья, народ будет долго чесать голову. Ключ к этому — образование. С младых ногтей детям нужно объяснять, как сложно устроен мир, как непросты человеческие отношения. А нынешние дети прямиком топают по пути примитивизма. И не понимают, что забредут в тупик. Борьба между простым, но ложным, и истинным, но сложным, ведется на самом высоком уровне. Мне действительно кажется, что только школа может спасти мир. А сейчас многие учителя и воспитатели закрывают глаза на то, что дети просто тягу испытывают к деструкции окружающего мира. К сожалению, всегда будут люди, которые найдут примитивный язык, который будет более

чем понятен народу, и скажут, что все бедные существуют для того, чтобы убивать богатых. И многие желают только одного: быть богаче соседа. Но ведь в богатстве столько сложных составляющих.

— У вас есть красивый образ: сон — естественный протест против тоталитаризма. Поясните его.

— Сон коррелирован с нашим подсознанием. Это наше аутентичное «я», оно никоим образом не подвержено влиянию внешних факторов воздействия, а их сегодня немало. Когда какие-то люди пытаются войти в наш внутренний мир, они пользуются нашей интеллигентностью и любезностью, но зачастую лишь для того, чтобы поведать нам нечто ложное и убедить нас в этой лжи. Мы интеллектом своим их, наверное, как-то воспринимаем, но наше подсознание встает на защиту. Какой-то маленький человек внутри нас сидит, видит этого, который нам лапшу на уши вешает,

и посылает очень определенные импульсы.

— Вы говорите, что мозг изнашивается тогда, когда его не используют. Но при этом мозг задействован всего на 10%, хотя цифра варьируется. Почему так мало?

— Мы используем больше десятой части ресурсов мозга тогда, когда вынуждены его использовать. А в обычной жизни нам хватает этих 10%. Они нужны нам, чтобы есть, жить и общаться. Но иногда мы попадаем в сложные ситуации, и нам этих 10% не хватает. Приходится напрягать извилины. Мы часто наблюдаем такое в поведении животных: когда в их жизни происходит какой-то экстрим, вдруг начинают проявляться неизвестные ранее таланты.

— И обезьяна превращается в человека...

— Ну, что-то вроде этого. Возможности и преимущества будущего

мира будут требовать гораздо большего процентного использования мозга. И к этому уже сейчас надо подготавливать людей — ребята, лоб придется морщить гораздо чаще. Возьмем такой пример, как компьютер. Мы знаем, как он работает, мы с ним взаимодействуем и знаем все процессы, которые происходят внутри. Но если подвести к нему — гипотетически — человека средневекового, он будет поставлен в ступор. Его мозг просто не подключен к этой программе. А наш диапазон использования мозга гораздо более широк. Кроме того, мы уже адаптированы ко многим вещам — к загрязнению окружающей среды, например. У нас другое восприятие мира в связи с продолжительностью человеческой жизни. Раньше люди умирали в 60 лет, и соответственно, их мозг был ориентирован на эту продолжительность жизни. Сейчас продолжительность жизни примерно 90 лет, и мозг работает совершенно в другом формате. Кроме того, освоив практику медитации, можно вступать во взаимосвязь со своим подсознанием, открывать какие-то определенные дверцы и видеть иные возможности.

— Это же вы считаете, что у ангелов есть пять рычагов управления людьми: интуиция, сны, знаки, медиумы, кошки. А недавнее извержение вулкана — тоже знак?

— Это разные вещи. Взаимоотношения человека и ангелов — связь человека со своим подсознанием. А извержение вулкана — это взаимоотношения планеты с планетой. И не надо искать какую-то духовную или ментальную подоплеку в неких простых явлениях. У планеты своя собственная жизнь и эволюция. И ей, по большому счету, нет дела до тех маленьких блох, которые по ней ползают. Она испытывает некоторые неудобства, когда мы протыкаем ее в поисках нефти или угля или когда она начинает задыхаться от того, что загрязнена окружающей средой. Однако количеством всего существующего на ее поверхности она пока мало обеспокоена.

Да, сложностей с ней у нас будет все больше, потому что сейчас она находится на этапе своего созревания. Сейчас она живет независимо от нас, и мы живем независимо от нее. Возникает вопрос: как спасти эту планету? Никто его не решает, поэтому она движется по своему собственному сценарию. А мы — ее маленький или большой вирус. И она, в конце концов, может начать с этим вирусом бороться.

— В своих произведениях вы много рассуждаете о счастье и ценности жизни человеческой...

- Если разум доходит до стадии, когда он полностью удовлетворен, он больше не шевелится и засыпает. И эта стадия необходима для развития разума. А смысл жизни в том, чтобы постоянно двигаться вперед в пределах сознания. Увеличивать возможность восприятия окружающего нас мира — земли, животных и так далее. И это бесконечный процесс. Если человек в какой-то момент говорит: да, все нормально, я все понял, это значит, что ничего-то он не понял

— Что мы подразумеваем под словом «счастье»? Вместо него я бы, наверное, использовал слово «удовольствие». Кроме того, есть слово «блеск» — в смысле блестящая жизнь. Вообще задача разума — прогресс. Если разум доходит до стадии, когда он полностью удовлетворен, он больше не шевелится и засыпает. И эта стадия необходима для развития разума. А смысл жизни в том, чтобы постоянно двигаться вперед в пределах сознания. Увеличивать возможность восприятия окружающего нас мира — земли, животных и так далее. И это бесконечный процесс. Если человек в какой-то момент говорит: да, все нормально, я все понял, это значит, что ничего-то он не понял. Потому что весь процесс — это полная динамика, нет такого момента, на котором надо было бы останавливаться.

— Все это укладывается в мысль о том, что «счастье — это не конечная станция, а способ путешествовать»...

— Счастье — просто ходить по земле. А самое большое путешествие — это путешествие к самому себе.

— Ваш соотечественник Сартр говорил, что ад — это другие. А по-вашему, ад — это чей-то безмолвный взгляд. Это вы о чем?

— Для начала — я совершенно не люблю Сартра. Абсолютно уверен, что это очень претенциозный человек, который наговорил много глупостей. А перевод моего высказывания неточный. Возможно, это цитата из одного из моих романов. Мы все получаем пищу от взглядов других людей. Подпитываемся ими. И любовь — это благословенный взгляд на нас. Когда два человека любят друг друга, они смотрят друг на друга таким взглядом. В этом процессе взаимной любви они начинают в какой-то момент эволюционировать — сначала параллельно, а потом один из них поднимается немного выше другого. И в этот самый момент тот, который уже привык постоянно получать благословенный взгляд, вдруг оказывается в каком-то потерянном состоянии, потому что он не может помочь самому себе, не имея ответного взгляда. И мы приходим к мысли, что если ты подключен к самому себе, своему внутреннему «я», тебе этот внешний взгляд совершенно не нужен. И если ты любишь самого себя, тебе и не нужна любовь других.

— И потому вы считаете, что не нужно быть постоянно привязанным к женщине, лучше с ней дружить?

— Я думаю, каждый отдельный случай требует отдельного рассмотрения. С некоторыми женщинами надо иметь очень тесные контакты, а с некоторыми — оставаться друзьями. И в принципе для мужчины это всегда интересно — играть со взглядом женщины на него. Но когда мы попадаем в эту систему взаимных взглядов, возникает проблема: все женщины уходят на другой уровень, и ты себя чувствуешь одино-

ким и беззащитным. И я повторюсь: именно поэтому надо очень сильно любить самого себя, чтобы еще и другие могли любить тебя, и при этом не возникала боязнь того, что ты будешь потерян. Вот это я называю взрослой и осознанной любовью, а не детскими проявлениями эгоистичной привязанности. Но все-таки любовь к женщине я предпочитаю дружбе с ней.

— Однако вы пишете, что дружба гораздо сильнее любви. И это более честное чувство.

— Дружба продолжается, любовь продолжения не имеет.

— Ваш любимый афоризм «один плюс один равно трем». Почему?

— Потому что это любовь. Когда два человека любят друг друга, они производят определенную энергию, которая уже выходит

за рамки сложения этих двух величин.

— Вы не жалуете людей, которые постоянно ноют и ждут, чтобы кто-то другой решил их проблемы. Уважаете смелых, тех, кто любит рисковать. Себя считаете смелым?

— Я смелый, но именно в той области, которая для меня очень важна, — это креативность, то есть творчество, созидание. Это поле моей деятельности, и здесь у меня нет никаких пределов. А во всем остальном я абсолютно нормальный человек. У меня нет желания воевать, нет желания усложнять отношения с другими людьми, я, наверное, из тех, кто очень спокоен. И я не хочу рисковать даже для того, чтобы показать себя каким-то фанфароном. Смелость я оставляю только для работы.

— Люди похожи на муравьев, о которых вы так много написали? Мы построим свой большой муравейник?

— Смотря в какой области. Муравьи находятся на Земле более ста миллионов лет, а человечество — только три миллиона.

— Есть куда стремиться...

— Есть некоторая разница между двумя мирами. Надо отметить, что в мире муравьев существуют практически одни самки. Представьте себе человечество, в котором только одни женщины.

— Может быть, это не так уж и плохо...

— Конечно, не так плохо. Но это, прежде всего, общество, в котором очень сильно развито чувство коллективизма. Мы в настоящий момент все — полные эгоисты. Нам необходимо пройти через определенное количество кризисов, чтобы мы смогли реально выработать в себе способность к солидарности. Кстати, мне кажется, я понял, что вы имели в виду, спрашивая об одном языке для человечества, хотя сначала вопрос мне показался несколько странным. Действительно, если бы мы говорили на одном языке, было бы гораздо проще понимать друг друга. И было бы меньше различий в том, что я хотел сказать, что сказал, что вы хотели услышать и что услышали. **fb**